

УДК: 101.1:007

DOI: 10.15372/PS20250402

EDN: BEZTVS

О.Н. Гуров**МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОНЯТИЙ
КИБОРГИЗАЦИИ И КИБОРГА:
ПОПЫТКА ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА***

В данной работе феномен киборгизации представлен как сложное переплетение технологических и человеческих практик. Показано, что корни киборгизации уходят в древние мифы и практики протезирования. На примерах из истории и на современных кейсах автор доказывает, что расширение возможностей с помощью внешних устройств меняет онтологические и эпистемологические рамки: возникает синергетический эффект, трансформируются субъектный опыт и познание. Осмысление киборгизации в рамках оптимистического трансгуманистического дискурса, критики технологий, описания гипотетических моделей, таких как агрокиборг, и концептов антикиборга и «киборга наоборот» позволяет выявить как риски, так и потенциал киборгианских технологий. Автор развивает интегративный подход – киборгианский эклектизм, базирующийся на сплетении разных теорий и методик, рефлексивном пересмотре приоритетов по мере появления новых данных. Этот подход дает возможность разрабатывать рекомендации по внедрению технологий в общественные процессы таким образом, чтобы эта интеграция способствовала защите человеческих ценностей и учитывала изменчивость социально-технического контекста. Тем самым киборгизация предстает не просто как модификация тела и/или сознания, а как трансформация способов бытия, требующая философского осмысления и гибких этических ориентиров.

* Статья подготовлена в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (FZNF-2023-0004 – «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты», регистрационный номер темы 102040800826-5-5.2.1;6.3.1;5.9.1).

Ключевые слова: киборгизация; киборг; интегративная методология; постгуманизм; антропотехнический субъект; киборгианский эклектизм; этика технологий; агрокиборг; трансформация опыта

O.N. Gurov

METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF THE CONCEPTS OF CYBORGIZATION AND CYBORG: AN ATTEMPT TO APPLY AN INTEGRATIVE APPROACH

The article presents the phenomenon of cyborgization as a complex interweaving of technological and human practices. It is shown that the roots of cyborgization lie in ancient myths and prosthetic practices. Using examples from history and contemporary cases, the author argues that the expansion of capabilities through external devices alters ontological and epistemological frameworks: a synergistic effect arises, and subjective experience and cognition are transformed. Comprehending cyborgization within the framework of optimistic transhumanist discourse, technology critique, descriptions of hypothetical models such as the agro-cyborg, and the concepts of the anti-cyborg and “reverse cyborg” makes it possible to identify both the risks and potential of cyborg technologies. The author develops an integrative approach, that is, cyborgian eclecticism based on the interweaving of various theories and methodologies and the reflexive revision of priorities as new data emerges. This approach enables the development of recommendations for the integration of technologies into social processes in a way that promotes the protection of human values and takes into account the variability of the socio-technical context. Cyborgization thus appears not simply as a modification of the body and/or consciousness, but as a transformation of modes of being that requires philosophical understanding and flexible ethical guidelines.

Keywords: cyborgization; cyborg; integrative methodology; posthumanism; anthropotechnical subject; cyborgian eclecticism; ethics of technology; agro-cyborg; transformation of experience

Концепты «киборг» и «киборгизация» представляются перспективными как инструменты осмысления философских теорий и культурных образов и одновременно как категории, применимые для анализа текущих трансформаций человеческого существования. Они позволяют продуктивно описывать происходящее уже в букваль-

ном смысле слияние телесности с продуктами технологий, рефлексировать по поводу изменений в определении ключевых философских понятий – субъекта, автономии, идентичности, а также гражданских прав.

Цель настоящей работы – проанализировать основные подходы к данным концептам в современной философии, выявить их методологические различия и сходства, а также предложить собственную интегративную интерпретацию понятий «киборг» и «киборгизация» (далее мы используем эти понятия без кавычек, поскольку в рамках нашего исследования они применяются в статусе устойчивых аналитических категорий, выходя за пределы объектов внешнего описания). В соответствии с принципами Р. Карнапа необходимо использовать логику определения, которая обеспечивает каждому понятию явные и четкие критерии идентификации и разграничения, тем самым позволяя проводить точную и недвусмысленную дифференциацию между ними [7].

Это не такая простая задача, потому что в философии техники, современной антропологии и теории культуры все большее внимание уделяется тем трансформациям, которые происходят на стыке человека и технологий. Анализ этих изменений и управление ими вышли за пределы лабораторных опытов, инженерных разработок и инновационного менеджмента и стали частью философского дискурса, в котором концепты киборга и киборгизации оказываются в числе актуальных ключевых понятий. Оба термина обозначают не столько конкретные технологические, биомедицинские и иные практики, сколько процессы и состояния, затрагивающие ключевые структуры человеческого существования, такие как тело, субъект, культура, природа, сознание, и границы между ними.

Поясним, что наше утверждение по поводу того, что киборг и киборгизация выходят за рамки технических явлений, основано на том, что они могут рассматриваться как своего рода «симптом», свидетельствующий о том, что различия между естественным и искусственным, между человеком и машиной на текущем этапе развития общества не могут восприниматься как самоочевидные. Поэтому далее мы предлагаем развернутый анализ разных подходов к этим понятиям, основанный на ряде существующих теоретических источ-

ников. Вместе с этим представленный анализ будет дополнен авторскими идеями и формулировками.

По нашему мнению, формирование концепта киборгизации имеет глубокие исторические корни. Первые попытки восполнить утрату частей тела с помощью внешних «устройств» восходят к эпохе Древнего Египта: археологами зафиксированы многократные примеры использования деревянных протезов пальцев ног. Это свидетельствует о попытках не только восстановить функциональность человеческого тела, но и обеспечить его соответствие эстетическим стандартам уже в те далекие времена [27]. В Древнем Риме и средневековой Европе использовались железные руки и крюки, позволявшие ветеранам обеспечить хотя бы минимальную функциональность после потери конечностей [25].

Однако идея технического усиления человека восходит даже не к истории медицины и техники, а к еще более раннему времени – к древним мифологиям [11]. В ранних архаических культурах мы встречаем представления о существах, сочетающих человеческое и механическое, божественное и инструментальное. Эти фигуры можно интерпретировать как культурные архетипы будущего киборга.

В древнегреческой мифологии бог-кузнец Гефест создает не только оружие и доспехи для олимпийцев, но и автоматов – девушек из золота, способных разговаривать и двигаться. По сути, они представляют собой первых мифологических андроидов. При этом надо отметить, что киборг и робот, подвидом которого является андроид, имеют разную «природу». Киборг по своей сути – это гибрид человеческого и машинного, и подразумевается, что в той или иной мере он как минимум сохраняет человеческую составляющую. А робот, даже человекоподобный андроид – это нечто искусственное, и его гипотетическое очеловечивание, как, например, в фильмах «Двухсотлетний человек» (Bicentennial Man) и «Из машины» (Ex Machina), представляет собой развитие совершенно другой истории.

Однако возвращаясь к Гефесту, вспомним, что в некоторых версиях он и сам изображается хромым, и тогда он использовал вспомогательные механизмы для передвижения. Тем самым его можно условно назвать прообразом киборга, точнее, киборгизированным божеством [26].

В ведической традиции упоминаются Ашвины – божественные близнецы, покровители медицины и хирургии, которые обладали способностью заменять поврежденные части тела на искусственные, тем самым восстанавливая целостность человеческого тела и его здоровье [19]. Их образы также перекликаются с одной из функций киборгизации – так сказать, восстановительной, позволяющей вернуть человека к функциональной норме.

В шумеро-аккадском эпосе о Гильгамеше герой обладает сверхчеловеческими силой и знаниями, полученными в результате вмешательства богов. Он получает знание и способность использовать разнообразные технические средства и артефакты, чтобы преодолеть границы человеческих возможностей, в том числе для созидательной деятельности, а также в поиске бессмертия [21].

Таким образом, мы можем говорить об архетипических сценариях улучшения и усиления человеческих возможностей, обусловленных стремлением превзойти заданные природой (или богами) границы тела и жизни. Уже задолго до появления технологий в современном смысле человечество начало размышлять о возможности преодолеть телесные ограничения с помощью внешних, «нечеловеческих» элементов.

Знакомство с этими мифологическими прообразами позволяет утверждать, что киборгизация не является радикально новой парадигмой, а продолжает давно сложившуюся, пусть и в неявном виде, линию размышлений о расширении человеческого через симбиоз с разного рода нечеловеческим. Данный тезис, как представляется, согласуется с идеей Т. Куна о том, что парадигмы представлений выполняют не только описательные, но и нормативные функции, задавая правила верификации и фальсификации знаний [8]. Включение культурного слоя в наш анализ позволяет придать понятию киборга глубину исторической памяти и символическую значимость.

Сегодня благодаря прогрессу в области носимой робототехники (экзоскелетов), нейроинтерфейсов, сенсорных протезов и других подобных проектов само понятие киборгизации перестает относиться к частным областям, например исключительно к отдельным технологиям или даже строго к сфере медицины. Так, в настоящее время существуют уже не отдельные компании, а буквально целая индустрия экзоскелетов, которые, в частности, используются людьми с по-

вреждениями спинного мозга. Продукты этой технологии позволяют людям вернуть силы и способность полноценно двигаться. Таким образом, киборгизация начинает охватывать широкий спектр явлений, сопровождающих слияние человека с интеллектуальными и сенсорными системами, будь то управление роботизированной рукой с помощью силы мысли или расширение сенсорных способностей за счет внедрения соответствующих имплантатов.

Хотя теоретически киборгизацию можно понимать как любую форму встраивания внешнего элемента в телесность, от контактных линз до кардиостимуляторов, наш интерес к этому явлению сосредоточен на симбиозе, в котором взаимодействие человека и устройства создает новый уровень функциональности. Это означает, что киборгизация имеет смысл не как отдельная операция и не как простая сумма частей, а именно как качественно новое состояние, в котором эффект синергии обеспечивает превышение исходных способностей человеческого тела и разума. Такой эффект синергии, обеспечиваемый киборгизацией, возможно рассматривать как эмпирический критерий, который позволяет оценить знание о человеческих возможностях и, следуя идеям К. Поппера, выдвигать смелые гипотезы о границах человеческого потенциала для исследования новых горизонтов функциональности [14].

Именно этот «избыточный» результат, раскрывающий потенциал расширения человеческого, является предметом философского анализа и нормативного осмысления. В XXI веке проблема слияния человеческого и технического постепенно вышла за рамки концептуальных построений и приобрела инструментальный, практически применимый характер. Интеграция технологий в общественную жизнь, в том числе в повседневные телесные и когнитивные практики, делает границу между человеком и машиной все менее различимой. Упомянутые выше технологии (цифровые устройства, нейроинтерфейсы, бионические протезы, сенсорные имплантаты и многие другие) постепенно становятся частью телесного и ментального функционирования современного субъекта. В результате граница между естественным и искусственным оказывается не только проблемой для философского анализа, но и задачей для социальной политики, биоэтики и правового регулирования.

Определим киборгизацию в ее наиболее общем виде: это процесс интеграции технологий в тело и когнитивную систему человека, в результате чего стирается грань между органическим и искусственным. Очевидно, что такой подход задает функционально-онтологическую рамку: речь идет не только о внедрении конкретных технических устройств, но и о переопределении самого способа человеческого бытия.

В инженерном подходе киборгизация рассматривается как модификация функций организма с помощью внешних систем жизнеобеспечения, адаптированных к экстремальным условиям. Здесь тело и машина воспринимаются как взаимозаменяемые модули, объединенные в эффективную систему [18]. Однако при своей кажущейся ясности такое понимание представляется недостаточным для описания философских последствий происходящих в процессе и в результате киборгизации изменений.

Более глубокое осмысление киборгизации предлагает онтологическая перспектива, вдохновленная идеями Э. Морена о сложности реальности и непрерывной взаимосвязи между элементами живого и искусственного [12]. В контексте такого подхода киборгизация должна рассматриваться как изменение самого способа присутствия человека в мире: субъект здесь более не отделен от технической среды, он пронизан ею, и техника становится не только инструментом, но и онтологическим модулем субъекта.

Методологически, с опорой здесь на подходы И. Лакатоса, в этом случае требуется анализ не только того, как техника выступает модулем, но и того, какие логические изменения претерпевают понятия «субъект» и «техника» в процессе встраивания друг в друга [9]. Данный подход, если дополнить его аргументацией, относящейся к экзистенциальной теории познания, заставляет относиться к киборгизации не как к «простому улучшению» тела и/или сознания, а как к преобразованию самой схемы взаимодействия человека с миром.

Подтверждением этой позиции служит и медиатеоретический подход, предложенный М. Маклюэном. Он рассматривал любую технологию как продолжение человеческих органов. Более того, это относится не только к органам чувств, но и к когнитивным структурам [10]. Согласно его логике, киборгизация не означает вторжение

техники «внутри» организма, а напротив, это экстернализация функций: память, внимание, восприятие и коммуникация выносятся за пределы тела, формируются, функционируют и развиваются в диалоге с медийными средами. Таким образом, техническое становится не надстройкой над человеком, а его неизбежным продолжением, частью когнитивного сенсориума. В этих условиях требуется сформулировать «законы» функционирования гибридных систем, где элементы органического и искусственного подчиняются единой верифицируемой методологии [3].

Феноменологический подход к киборгизации, основанный, в частности, на идеях Д. Айде, подразумевает, что речь идет о трансформации чувственного опыта [24]. Киборгизированное тело – это не просто тело с протезом или имплантатом, это «новое» тело, которое по-новому ощущает и воспринимает себя в пространстве и времени. Согласно исследованиям Ч. Пирса, изменение восприятия всегда сопровождается перестройкой логико-семиотических схем, посредством которых субъект формирует суждения о собственной идентичности [13]. Самоощущение, телесная инаковость, граница между собственным и внешним – все это качественно меняется. И, таким образом, феноменология оказывается необходимым инструментом для осмысления субъективного опыта киборгизации.

Совершенно иную перспективу предлагает критика техносистемы, представленная у Э. Фромма и Ж. Бодрийяра. Фромм акцентирует внимание на утрате эмоциональной автономии, возникающей в результате подчинения человека в том числе технологически обусловленным императивам общества потребления [16].

Бодрийяр идет еще дальше, утверждая, что техника не просто модифицирует опыт, но вытесняет само знание, заменяя его симуляцией [2]. Понятие киборгизации, согласно его пониманию, могло бы быть определено как финальная точка интеллектуальной деятельности человека, как торжество машинной логики над человеческой субъективностью. Здесь киборг выступает уже не как усиленный человек, а как субъект, утративший свое «я» в процессе машинного упрощения бытия.

На противоположном полюсе находится трансгуманистический проект, в рамках которого киборгизация понимается как желаемое

и направленное развитие человека. Согласно такой позиции, техника служит продолжением эволюции, ее логичной и «естественной» фазой: на этом этапе человек сможет побороть старение, болезнь, ограниченность восприятия и мышления [23]. Киборгизация в этом контексте является путем к «сверхчеловеку», в котором техника и сознание неразделимы, при этом технологии служат для усиления именно человеческого.

Обобщая эти подходы, мы предлагаем в некоторой степени интегративную модель, согласно которой киборгизация, повторимся, является не только техническим, но также онтологическим и эпистемологическим процессом. Это не просто встраивание технологий в телесность и сознание, но и изменение в понимании субъекта, знания, свободы: технологии становятся не только средством, но и условием возможности самосознания. Такой взгляд, безусловно, требует не только в широком смысле философской рефлексии, но и конкретного этического и нормативного осмысления.

Переходя к понятию киборга, важно подчеркнуть, что этот концепт охватывает еще более широкий диапазон значений. С точки зрения инженерии киборг – это человек с искусственными имплантатами и протезами, способствующими поддержанию физиологических функций в непривычной среде (например, в космосе) [18]. При этом в статье М. Клайнза и Н. Клайна (где впервые введен этот концепт) киборг предстает не как патологическая фигура, а как направленная форма адаптации.

В современных философских интерпретациях внимание акцентируется по большей части не на биомедицинской, а на культурной и онтологической составляющих. Так, Р. Брайдотти предлагает видеть в киборге постчеловеческого субъекта, т.е. живущего вне бинарных оппозиций, в пограничном пространстве между реальным и виртуальным, между плотью и кодом [17]. Киборг у нее выступает фигурой, в которой телесное и искусственное не противопоставляются, а смешиваются, образуя новые формы субъективности.

В этом смысле особенно выделяется вклад Д. Харауэй, представившей в «Манифесте киборгов» феминистскую критику традиционных категорий пола, природы и культуры [22]. Ее киборг – это не просто гибрид, а своего рода политическая и философская программа.

Этот образ олицетворяет отказ от любых попыток жесткой категоризации и провозглашает возможность существования множества идентичностей, сконструированных в гибридной или технологической среде. При этом Харауэй считает, что киборг воплощает не «меньше-человека», а «больше-человека»: субъекта, свободного от ложных ограничений, обусловленных традиционным осмыслением все противопоставить и разложить по полочкам.

Отдельно стоит рассмотреть подход Ж. Симондона, в рамках которого киборг может быть определен как технологически интегрированный человеческий индивид, самоорганизующаяся система, вступающая в устойчивые отношения с другими системами, как техническими, так и органическими [27]. В его представлении биологическое и технологическое не противостоят друг другу, а гармонично соотносятся в едином эволюционном континууме. Киборг выступает не формой мутаций, а этапом усложнения таких отношений, на котором границы между видами и формами существования становятся проницаемыми.

Дж. Хьюз переводит данный дискурс в практическое русло, утверждая, что киборг – это не угроза, а возможность для развития человеческого. Он предлагает рассматривать киборгов как субъектов права, нуждающихся в защите и признании. По его мнению, если киборг способен к саморефлексии и осознанным действиям, он заслуживает собственный политический и моральный статус [23]. Это открывает путь к новой биоэтике и к правам таких «новых людей».

Однако данной эйфорической перспективе противостоит критика, представленная в постмодернистской философии. С. Жижек рассматривает киборга как символ тревоги, как существо, лишенное органической опоры и потому способное породить экзистенциальный ужас [29]. П. Вирильо пишет о протезировании как об утрате телесной подлинности [28]. Возвращаясь к идеям Бодрийяра, на их основе данную линию можно довести до финала, сопоставив киборга с симулякром – сущностью, копирующей человеческое без какой-либо привязки к оригиналу [2].

Этот подход уместно проиллюстрировать художественным образом мальчика-робота, представленным в фильме «Искусственный разум» (A.I. Artificial Intelligence). Хотя здесь речь идет не о киборге,

а об андроиде, т.е., изначально искусственном существе, которое запрограммировано «быть человеком», по сюжету он оказывается в большей степени человеком, чем его создатели (т.е., «киборгом наоборот», о котором ниже), и доказывает свою человечность, пройдя через многие испытания. При этом, по крайней мере у автора статьи, при достаточно в целом оптимистическом подходе к данной проблематике образ героя вызывает в большей степени негативные эмоции: недоверие к истинности «искусственных» чувств, страх, что за всем этим может стоять непонятный нашему восприятию холодный расчет робота, интуитивное ощущение, что технооптимизм, декларируемый в фильме, является близоруким взглядом или манипуляцией.

Представленное впечатление от фильма созвучно трем описанным выше подходам, в которых выражено сомнение в возможности сохранить человеческую автономию и идентичность в условиях всеобъемлющей технологической среды.

Сопоставляя эти взгляды, мы полагаем важным рассмотреть киборга не как организм с техническими дополнениями, а как субъекта, у которого технология стала неотъемлемым элементом в первую очередь когнитивных функций. В условиях цифровой среды техника перестает быть внешним инструментом и становится внутренним условием мышления, восприятия, памяти. Поэтому киборг воспринимается нами как существо, чьи в первую очередь когнитивные функции становятся технологически зависимыми. Если выразиться метафорически, киборг мыслит с помощью интерфейсов, помнит в облаке, воспринимает мир через экран. Отметим, что такая зависимость не тождественна утрате автономии, однако это понятие требует переосмысления в связи с тем, что автономия становится качественно иной: распределенной и даже коллективной ввиду сопряжения с машинным.

Итак, представленное выше множество смысловых пластов, имеющих в понятиях киборга и киборгизации, относится к достаточно различным сферам – от инженерных практик до онтологического, культурологического и политического дискурса. Полагаем, что комплексность данной проблематики может находить отражение в концептах, представляющих собой конкретные гипотетические проекты, позволяющие продемонстрировать потенциал практической

реализации киборгианских проектов. В этой связи мы ввели понятие агрокиборга в качестве отдельной разновидности киборга, который может возникнуть в аграрном секторе [5]. По нашему определению, агрокиборг – это сельскохозяйственный работник, чьи физические возможности и когнитивные функции усиливаются с помощью технологий: бионики, сенсорных систем, нейроинтерфейсов. Когнитивная система агрокиборга интегрирована с цифровыми экосистемами, и такое существо сочетает в себе традиционный архетип крестьянина – выносливого, трудолюбивого, укорененного в земле субъекта с функциональностью и точностью робота. Общим знаменателем такого симбиоза становятся трудолюбие, выносливость и ориентация на непрерывную работу в системе высокотехнологичного агропроизводства.

Функционально агрокиборг интегрирован в автоматизированный производственный цикл: он может взаимодействовать с дронами и ИИ-системами, участвовать в обработке данных и управлении сельским хозяйством в режиме реального времени, включаться в предиктивную аналитику и точно прогнозировать урожайность. Более того, он становится активным участником цифровых маркетплейсов и агротехнических платформ, что способствует его экономической автономии и расширению функциональной грамотности. Отметим, что этот концепт не является исключительно фантастическим. Уже существует целый ряд агроботов, или, иначе говоря, агроботов, таких, например, как автономные дроны-опылители, которые, по сути, выступают продолжением рук фермера и помогают поддерживать биоразнообразие растений в труднодоступных для человека зонах. И более глубокое слияние человека с технологиями в этой области – вопрос времени и инвестиций в инновации.

Тем самым понятие агрокиборга не отменяет традиционную философию труда, а напротив, усиливает ее и погружает в новый технологический контекст, демонстрируя возможность преемственности через трансформацию. Полагаем, что данный концепт достоин дальнейшего философского осмысления, и также представляется актуальным определить возможный правовой статус такого субъекта [23]. Повторим, что, по нашему мнению, эта актуальность обусловлена активно развивающейся цифровизацией сферы агропромышленного комплекса.

Чтобы максимально осмыслить киборгизацию и киборга с философских позиций, мы ввели еще два дополнительных образа – «антикиборг» и «киборг наоборот» [4]. Эти понятия не претендуют на строгую научную дефиницию, однако мы предполагаем, что они могут выступать как продуктивные эвристики для анализа социогуманитарных рисков и потенциалов киборгизации.

Антикиборг – это метафора деструктивных последствий слияния человека и технологий. Он воплощает в себе случай, когда техническое вмешательство не усиливает человеческое, а напротив, подавляет, разрушает или стирает его. В таком состоянии субъект утрачивает интеллектуальную и эмоциональную автономию, критическое мышление, переживает экзистенциальный кризис, а техника начинает доминировать над личностью, превращая ее в алгоритмический объект. Образ антикиборга служит предостережением против безоглядного технологического вмешательства в природу человека, ведущего к отчуждению и утрате идентичности.

В противоположность этому, концепт киборга наоборот представляет собой образ позитивного и/или компенсаторного взаимодействия человека и техники. Здесь технологии не подавляют человеческую природу и не стремятся к ее преодолению, а напротив, способствуют ее сохранению и/или, в случае необходимости, восполнению ущерба, например возвращению утраченных телесных или коммуникативных функций.

Здесь речь идет о таких форматах киборгизации, где техника направлена на восстановление целостности, а не на ее радикальное преодоление. Полагаем, что этот концепт является перспективным для проведения мысленных экспериментов, например чтобы осмыслить такие сюжеты, как стремление робота стать человеком, или чтобы прогнозировать политики, относящиеся к общностям, члены которых сознательно ограничивают технологическую зависимость.

Представленные образы антикиборга и киборга наоборот функционируют как концептуальная пара, позволяющая всесторонне осмысливать отношение гуманизации и дегуманизации в контексте техноэволюции. В целом, мы стремимся показать как факт, что в современном мире человек уже не может мыслиться отдельно от техники. И по сути, хотя бы метафорически он стал киборгом в том

смысле, что превратился в существо, формируемое и поддерживаемое сложной сетью не только социальных и культурных, но и технических процессов. То есть представленный метафорический киборг являет собой узел информационных потоков, где память, внимание и принятие решений распределяются между органическими и техническими компонентами [20].

Таким образом, философский анализ исследуемых нами понятий демонстрирует не только их многозначность, но и исключительную продуктивность для осмысления тех процессов, которые определяют текущее и перспективное состояния человеческого существования в техногенной среде. В некоторой степени понятие киборга находится в центре актуальной дискуссии о судьбе субъекта, техники и самой реальности, поскольку выступает яркой метафорой слияния органического и искусственного, репрезентуя как возможности, так и риски этой интеграции [1].

В свою очередь, киборгизация превратилась в сложное социокультурное и онтологическое явление, затрагивающее не только телесность, но и структуры мышления, в частности восприятия, а также человеческую деятельность, мораль и идентичность. Понимание киборгизации как эпистемологического и антропотехнического процесса позволяет рассматривать ее не как элемент, относящийся к технологическим процессам, а как вмешательство в самое основание человеческого бытия.

В нашем исследовании мы стремимся применять плюралистический подход, который подразумевает фокус на социальных и в целом гуманитарных аспектах. Интегративная модель киборгизации, предлагаемая нами, признает множественность возможных сценариев: от утраты автономии и подчинения техническим системам до возникновения новых форм свободы и коллективной агентности.

На основе вышеизложенного совместно с Ф.И. Москалевым и К.Н. Васильевым мы предложили уже упомянутый выше подход, который можно охарактеризовать как «киборгианский эклектизм» [6]. Его основная идея заключается в том, чтобы рассматривать киборгизацию не через призму какой-либо доминирующей теории, а как динамическое сочетание различных философских, этических и эмпирических перспектив.

Вместо того чтобы фиксироваться на единой методологической установке, киборгианский эклектизм признает ценность множества направлений, от трансгуманистических и постгуманистических концепций до критического и феноменологического анализа, стремясь к интеграции их сильных сторон в непрерывно обновляемую исследовательскую практику.

Такой подход предполагает плавный и бесшовный синтез разнообразных теоретических позиций, при котором акцент делается на постоянной диагностике и пересмотре выбранных сочетаний. С одной стороны, киборгианский эклектизм открывает пространство для выявления пересечений между различными школами: там, где их аргументы перекликаются или дополняют друг друга, возникает возможность строить междисциплинарные «мосты», через которые передаются инсайты из этики, социологии, психологии, футурологии и технических дисциплин. С другой стороны, под эклектичностью понимается не произвольное перемешивание, а строгий методологический процесс, предусматривающий осознанный отбор и сопоставление подходов с учетом их эмпирической обоснованности и этических последствий. При этом важным является рефлексивное сопровождение: по мере появления новых данных или изменения технологического ландшафта должна осуществляться переоценка ранее объединенных элементов и при необходимости – корректировка исследовательских траекторий.

Особое значение в киборгианском эклектизме придается созданию условий для коллективного знания, в которых каждый интересант может предложить собственный кейс анализа конкретных практик киборгизации (как, например, исследование по применению ИИ в медицине, проведенное автором с коллегами из РНЦХ им. акад. Б.В. Петровского, результаты которого будут опубликованы в журнале «Искусственные общества» в 2025 г.). Такое трансдисциплинарное сотрудничество способствует не только накоплению и осмыслению результатов эмпирических наблюдений, но и формированию сообщества практиков, для которых «эклектическая» методология может служить инструментом совместного поиска сбалансированных результатов.

В контексте образования сотрудничество в рамках такой методологии может реализоваться в форме семинаров и воркшопов, где

будут обсуждаться возникающие «точки напряжения» между теорией и практикой и на выходе вырабатываться рекомендации для внедрения технологий с учетом как их трансформационного потенциала, так и возможных рисков дегуманизации.

Методологическое ядро предлагаемого нами подхода может быть описано через следующие общие принципы:

- гибкость в сочетании разных теоретических ресурсов;
- внимание к этической составляющей;
- обязательная эмпирическая верификация;
- готовность к постоянной адаптации по мере изменения технологических и социальных условий.

Это подразумевает, что исследования должны вестись не по жестко заданному сценарию, а как итеративный процесс, в котором появляющиеся новые наблюдения и идеи будут оказывать влияние на выбор и на сочетание релевантных теорий и методов. Например, в рамках социально-политического анализа такой подход позволяет разрабатывать эклектичные стратегии регулирования киборгианских технологий, которые смогут учитывать разнообразие общественных ценностей и включать несколько альтернативных путей развития отношений между человеком и техникой, подлежащих экспертной проверке и корректировке.

По нашему мнению, перспективность киборгианского эклектизма заключается в его адаптивности и ориентированности на практические выводы. Поскольку методология не претендует на окончательную картину будущего, она сохраняет открытость к неожиданным изменениям и готова обновляться по мере появления новых вызовов цифровой и биотехнологической революций. Для ее развития необходимо разработать четкий алгоритм или критерии отбора методов (этапы анализа, ключевые вопросы, шкалы оценки) для применения киборгианского эклектизма в конкретных проектах. В итоге киборгианский эклектизм способен выступать как платформа для коллективного и трансдисциплинарного исследования киборгизации. Сочетая разнообразие подходов, он обеспечивает сохранение критической рефлексии и направлен на выработку рекомендаций, применимых как в академических, так и в прикладных контекстах (образование, политика, здравоохранение и др.).

Таким образом, внедрение киборгианского эклектизма в исследовательскую практику и в образовательные программы позволяет не только углубить понимание антропологических последствий взаимодействия человека и машины, но и сформировать гибкие методологические инструменты для анализа этих процессов и управления ими. Примерами применения такого подхода могут служить упомянутые выше конкретные практики, начиная от бионических протезов и нейроинтерфейсов и заканчивая концептами агрокиборга, антикиборга и киборга наоборот, которые демонстрируют широту спектра возможных интерпретаций и последствий киборгизации. Приведенные примеры иллюстрируют, что речь идет не только о технизации тела, но и о трансформации культурных архетипов, политических, общественных и экзистенциальных стратегий.

В заключение отметим, что киборгизация – это не столько проект улучшения человека, сколько актуальный вызов для философии, культуры и этики. Важно отметить, что согласно логике альтернативных методологий, предложенных П. Фейерабендом, киборгизацию нельзя сводить к единой научной программе. Напротив, необходим плюралистический подход, допускающий множественность методов и критериев истинности [15]. Для этого требуются новое мышление, новые языки описания и подходы к норме и патологии, телу и разуму, технике и субъекту. И именно философия способна предложить условия, в которых этот комплекс сложных процессов может быть понят, адекватно оценен и направлен в своем развитии в интересах человека и человеческого в условиях стремительно меняющегося мира.

Литература

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. М.: Канон+, 2001.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Постум, 2015.
3. Гемпель К.Г. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998.
4. Гуров О.Н. Усовершенствованное человечество: социогуманитарные последствия взаимодействия человека и машины // Бионика – 2023: Мат. III Международн. науч.-практ. конф. Москва, 1–3 ноября 2023 года. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2024.

5. Гуров О.Н., Конькова (Кураева) Т.А. Концептуальная модель агропромышленного киборга // Искусственные общества. 2021. Т. 16, № 3. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800016338-0-1/>. DOI: 10.18254/S207751800016338-0.
6. Гуров О.Н., Москалев Ф.И., Васильев К.Н. Киборгианский эклектизм // Цифровая революция: вызовы и возможности для современного общества: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посв. 5-летию Института цифровой экономики и технологического предпринимательства ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова. Грозный, 14–15 февраля 2025 года. Грозный: ГГНТУ им. М.Д. Миллионщикова, 2025.
7. Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание – Венский кружок // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное / Под ред. О.А. Назаровой. М.: Территория будущего; Идея-Пресс, 2006.
8. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
9. Лакатос И. Доказательства и опровержения. М.: Наука, 1967.
10. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Канон+, 2003.
11. Мамфорд Л. Миф машины: Техника и развитие человечества. М.: Логос, 2001.
12. Морен Э. Метод. Природа Природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
13. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М.: Канон+, 2000.
14. Поннер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2005.
15. Фейерабенд П. Против метода: Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007.
16. Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2006.
17. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013.
18. Clynes M., Kline N. Cyborgs and space // Astronautics; 1960 Sept.
19. Doniger W. The Rig Veda: An Anthology. London: Penguin Classics, 2005.
20. Dretske F. Knowledge and the Flow of Information. Cambridge, MA: MIT Press, 1983.
21. George A. The Epic of Gilgamesh: A New Translation. London: Penguin Classics, 2000.
22. Haraway D. A cyborg manifesto // Socialist Review. 1985. Vol. 15.
23. Hughes J. Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Re-designed Human of the Future. Berkeley: Westview Press, 2004.
24. Ihde D. Bodies in Technology. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002.
25. Kirkup J. A History of Limb Amputation. London: Springer-Verlag London Ltd., 2007.
26. Mayor A. Gods and Robots: Myths, Machines, and Ancient Dreams of Technology. Princeton: Princeton University Press, 2018.
27. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958.
28. Virilio P. The Information Bomb. London: Verso, 2000.
29. Žižek S. Organs without Bodies: On Deleuze and Consequences. N.Y.: Routledge, 2004.

References

1. *Adorno, T. & M. Horkheimer.* (2001). *Dialektika Prosveshcheniya* [Dialectic of Enlightenment]. Moscow, Canon+ Publ. (In Russ.).
2. *Baudrillard, J.* (2015). *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and Simulation]. Moscow, Postum Publ. (In Russ.).
3. *Hempel, K.G.* (1998). *Logika obyasneniya* [Logic of Explanation]. Moscow, Dom Intelktualnoy Knigi Publ. & Russian Phenomenological Society. (In Russ.).
4. *Gurov, O.N.* (2024). *Uovershenstvovannoe chelovechestvo: sotsiogumanitarnye posledstviya vzaimodeystviya cheloveka i mashiny* [Enhanced humanity: Socio-humanitarian consequences of human–machine interaction]. In: *Bionika – 2023* [Bionics – 2023]. Proceedings of the III International Scientific-Practical Conference (Moscow, November 1–3, 2023). Moscow, Bauman Moscow State Technical University Publ.
5. *Gurov, O.N. & T.A. Konkova (Kuraeva).* (2021). *Kontseptualnaya model agropromyshlennogo kiborga* [Conceptual model of the agro-industrial cyborg]. *Iskusstvennye obshchestva* [Artificial Societies], Vol. 16, No. 3. Available at: <https://artsoc.jes.su/s207751800016338-0-1/>. DOI: 10.18254/S207751800016338-0.
6. *Gurov, O.N., F.I. Moskalyov & K.N. Vasiliev.* (2025). *Kiborgianskiy eklektizm* [Cyborgian eclecticism]. In: *Tsifrovaya revolyutsiya: Vyzvyv i vozmozhnosti dlya sovremennogo obshchestva* [Digital Revolution: Challenges and Opportunities for Modern Society]. Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference with international participation dedicated to the 5th anniversary of the Institute of Digital Economy and Technological Entrepreneurship of Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov, Grozny, February 14–15, 2025. Grozny, M.D. Millionshchikov Grozny State Oil Technical University, 434–438.
7. *Carnap, R., G. Hahn & O. Neurath.* (2006). *Nauchnoe miroponimanie – Venskiy kruzhok* [Scientific worldview – Vienna Circle]. In: O.A. Nazarova (Ed.). *Zhurnal “Erkenntnis” (“Poznanie”): Izbrannoe* [Journal “Erkenntnis” (“Cognition”): Selected articles]. Moscow, Territoriya Budushchego Publ. & Ideya-Press Publ. (In Russ.).
8. *Kuhn, T.* (2003). *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, AST Publ. (In Russ.).
9. *Lakatos, I.* (1967). *Dokazatelstva i oproverzheniya* [Proofs and Refutations]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.).
10. *McLuhan, M.* (2003). *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow, Canon+ Publ. (In Russ.).
11. *Mumford, L.* (2001). *Mif mashiny: Tekhnika i razvitie chelovechestva* [The Myth of the Machine: Technics and Human Development]. Moscow, Logos Publ. (In Russ.).
12. *Morin, E.* (2005). *Metod: Priroda Prirody* [Method: The Nature of Nature]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ. (In Russ.).
13. *Peirce, C.S.* (2000). *Izbrannye filisofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Writings]. Moscow, Canon+ Publ. (In Russ.).
14. *Popper, K.* (2005). *Logika nauchnogo issledovaniya* [The Logic of Scientific Discovery]. Moscow, Respublika Publ. (In Russ.).

15. *Feyerabend, P.* (2007). *Protiv metoda: Ocherk anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge]. Moscow, AST Publ. (In Russ.).
16. *Fromm, E.* (2006). *Zdorovoe obshchestvo* [The Sane Society]. Moscow, AST Publ. (In Russ.).
17. *Braidotti, R.* (2013). *The Posthuman*. Cambridge, Polity Press.
18. *Clynes, M. & N. Kline.* (1960). *Cyborgs and Space*. *Astronautics*, September.
19. *Doniger, W.* (2005). *The Rig Veda: An Anthology*. London, Penguin Classics.
20. *Dretske, F.* (1983). *Knowledge and the Flow of Information*. Cambridge, MA, MIT Press.
21. *George, A.* (2000). *The Epic of Gilgamesh: A New Translation*. London, Penguin Classics.
22. *Haraway, D.* (1985). *A cyborg manifesto*. *Socialist Review*, 15.
23. *Hughes, J.* (2004). *Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future*. Berkeley, Westview Press.
24. *Ihde, D.* (2002). *Bodies in Technology*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2002.
25. *Kirkup, J.* (2007). *A History of Limb Amputation*. London, Springer-Verlag London Ltd.
26. *Mayor, A.* (2018). *Gods and Robots: Myths, Machines, and Ancient Dreams of Technology*. Princeton, Princeton University Press.
27. *Simondon, G.* (1958). *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris, Aubier.
28. *Virilio, P.* (2000). *The Information Bomb*. London, Verso.
29. *Žižek, S.* (2004). *Organs without Bodies: On Deleuze and Consequences*. New York, Routledge.

Информация об авторе

Гуров Олег Николаевич – Государственный академический университет гуманитарных наук (119049, Москва, пер. Мароновский, 26).
gurov@duck.com

Information about the author

Gurov, Oleg Nikolaevich – State Academic University for the Humanities (GAUGN) (26, Maronovsky Lane, Moscow, 119049, Russia).
gurov@duck.com

Дата поступления 10.08.2025.
Принята к публикации 10.11.2025.